

Иван ПЕРЕВЕРЗИН

Тихий свет гречишного поля

Тихий свет гречишного поля,
терпко пахнувший плат ольхи.
И ни грусти, ни муки, ни боли
за случайные чьи-то грехи.

Торопливо иду по дороге, —
в звонком ветре себя узнаю ...
Обнимал да ласкал женщин многих,
но признался одной: «Люблю!»

Жизнь воистину не приснилась,
но душе до сих пор тяжело,
что с угарной смурной силой
я сменил на город село!

В лопухах и цветах околица,
с вдохновенным пенем скворца,
и сегодня тебе лишь молится
и мечтается мне навсегда.

И в бетонно-стальном колодце,
потому всё же я не сдох,
что лесного свежего солнца
слышал я упоённый вздох.

Но однажды ничто не поможет ...
Отзовется злым эхом даль ...
Отче правый, родимый Боже,
умирать-то и впрямь печаль ...

* * *

Дождь я волны кипящей,
как будто кипятки в котле ...
Гребу всё яростней, всё чаще,
с печатью веры на челе ...

Когда не одолеть мне гребень,
нырок, — и я уже под ним! ..
Не только морем, но и небом
для золотых побед храним.

Пусть станет моё дело шатким,
все силы кончатся к чертям!
На воле выплыву из схватки,
что для себя устроил сам.

И рухну на песок в бессилье,
но с чувством радости, что я
живу с душой, как на крыльях,
летающей в безднах бытия.

* * *

Домой!.. Без слёз и лишней суеты,
чтоб со стихами школьные тетради
не позабыть у грозовой черты
дороги сокровенной ради...

Домой!.. Там, наконец-то, жизнь
не как тюрьма, сурова и жестока.
Хочу — творю, душой взлетая ввысь,
как быстрокрылый сокол.

Домой!.. Но, чтобы снова через год
вернуться с песней в край неповторимый,
где на скале, летящей в небосвод,
я начертал любимой имя.

Ребачество?! Конечно. Ну и пусть!
Мы все в любви своей немного дети
капризничаем, напускаем грусть,
но за дела свои в ответе.

Не потому ли и живём светлей,
и всё достойней достигаем цели,
неважно, в дождь ли, в суховей,
но неизменно на пределе ...

И я люблю не только дом родной,
но вместе с ним и женщину святую,
что ждёт меня бессонною душой,
как жизни песню золотую ...

* * *

К рассвету сильно холодает,
вот-вот ударит злой мороз!
И в небо облаком всплывает
иссиня-белый свет берёз.

В лазури гаснущей клубится
закат, знакомый наизусть ...
А вот в душе моей, как птица,
гнездится сумрачная грусть.

Как будто я не жил на свете,
не пел, не плакал, не любил!
О, вдохновенья жаркий ветер,
хотя бы ты меня прости ...

Я, может, ничего не стою, —
устав от бесконечных тризн,
но если что, собой прикрою
ядро, ударившее в жизнь ...

И пережив достойно осень,
а после — зиму, как беду, —
и как измену, злую ростань,
я сам себя в любви найду!

* * *

Нет ни жизни, ни жажды жизни.
Всё мрачней рамы белой крест...
Я по случаю только не лишний,
будто нервно безумный жест!

Но упрямо, почти без умолку
телефон мой звонит и звонит.
Значит, сделать я должен столько,
чтоб заплакала смерть навзрыд!..

* * *

Ещё успел он вдруг пришедшую строку
поспешно записать в походную тетрадь,
чтоб не забылась вдруг случайно на бегу
событий страшно удручающих опять ...
И успокоившись, смежил усталые веки,
вдохнул да, и казалось бы, накоротке уснул,
а это смерть в тяжёлом образе калеки
к нему явилась, — и вознёсся тотчас гул
признаний шумных: ах, какой же был поэт,
как жизнь обогатил ядрёным словом ...
О, люди, — вы открыт спешите свет
для мёртвого, что проклял мрак сурово ...
Печально, горестно, но и со мной, увя,
всё будет так же, — что ни напиши я ...
Лишь время скорбное, исполнившись любви,
оплачет искренне меня в своей стихии ...

* * *

Не мучай, не мучай душу обидой,
подумаешь кто-то, себя ненавида, —
работу по чести сделать не смог.
О нём позабудь, как можно скорее,
чтоб вновь вдохновенно прийти к хорею,
его ведь тебе продиктует Бог!

И пусть через кровь, и пусть через муку,
но ты пересилишь чёрную вьюгу
зависти, подлости, боли и лжи!
О счастье не думай, но с каждым шагом
к нему приближайся, светясь отвагой,
на жарком выдохе смелой души!

* * *

Вечных чувств обещать не буду,
просто твёрдо скажу: «Я твой!..»
Но красивых глаз изумруды
навсегда сохраню душой.

Сколько раз я любил до дрожи,
а порой и до горьких слёз!
Будто с ранней весной схожий,
где на радость раскаты гроз.

А теперь, в этот раз, родная,
я хочу лишь заветно знать,
что не зря все рассветы рая
на тебя решил поменять ...

Может быть, потому я ожил,
распахнулся душой, как поля,
и всегда мне была дорожке
песнь синичья, чем клич журавля.

Я совсем не хочу обидеть —
ни тебя, ни любовь свою, —
просто надо грядущее видеть
как на самом последнем краю ...

* * *

В жизни, как в смерти, —
ни неба, ни тверди
для чувств огневых моих!
Как будто я — птица,
но мне приземлиться
негде среди живых.

Что делать, мой Боже,
ведь, хоть и поможешь,
я скоро выбьюсь из сил?!
Как высь ни светла мне,
враз рухну на камни
вдали от родных могил.

Молчит — занебесье,
но всё ж моя песня —
исполнена светлых начал.
Как будто на свете
я злобу не встретил
и муку-тоску не встречал.

Лишь в думах-печалях
смерть дух измочалит,
а в славной работе о ней
я даже не вспомню,
как всполохи молний
среди затяжных дождей ...

Всё минет когда-то,
коль сердце крылато, —
и в замети чёрных невзгод.
Не зря ж моя воля,
что скована в боли,
мне руку свою подаёт ...

* * *

«Удалось бы дожить до старости», —
вдруг сказал я — и понял, что
за плечами без всякой малости
набралось аж годочков сто,
с оговоркой одной поспешною,
если честно сполна считать,
что за душу, невинно грешную,
приходилось навзрыд страдать.

Вот и ладно — признаюсь искренне,
но и выскажусь в полный рост:
Я, приверженный светлой истине,
в этой жизни мужал и рос,
чтобы петь от сиянья лунного,
чтобы верить сполна любви —
на потребу сердца разумного,
а не чьей-то — безумной крови ...